

Бестселлер Amazon

РЕЙЧЕЛ
КЕЙН

ТЕМНЫЙ РУЧЕЙ

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Rachel Caine
KILLMAN CREEK

Text copyright © 2018 by Roxanne Conrad. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Разработка серии А. Саукова

Кейн, Рейчел.

К33 Темный ручей / Рейчел Кейн ; [пер. с англ.
М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100326-5

Прямо сейчас, пока вы читаете этот текст, сотни серийных убийц разгуливают на свободе. А что, если один из них – ваш муж? Что бы сделали вы, узнав, что в течение многих лет спите в одной постели с монстром?

Каждый раз, когда Гвен закрывала глаза, она видела его в своих кошмарах. Сейчас ее глаза открыты – но он не исчезает...

Гвен Проктор выиграла битву. Битву за своих детей против бывшего мужа, серийного убийцы Мэлвина Ройяла. Но война еще не окончена – с тех пор как Мэлвин бежал из тюрьмы. С тех пор как она получила это жуткое послание...

Теперь вам нигде не укрыться.

Убежище на озере Стилхауз стало ловушкой. Но Гвен и не думает отсиживаться там. Она, как никто, знает: лучшая защита – это нападение. В конце концов, Мэлвин презрительно называл ее слабой и никчемной. Он хотел, чтобы она стала сильной? Что ж, пора открывать сезон охоты на серийных убийц...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык,
М. В. Смирнова, 2018
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100326-5

1

Гвен

В двенадцатую ночь после побега моего бывшего мужа из тюрьмы я лежу в постели. Не сплю. Наблюдаю за игрой света и тени на занавесках. Я лежу на узкой раскладушке и сквозь тонкий матрас чувствую каждый виток пружин. Мои дети, Ланни и Коннор, занимают две полноразмерные кровати в этом среднем по цене номере мотеля. Средняя цена — самое большое, что я могу позволить себе сейчас.

У меня новый телефон. Очередной, предназначенный со временем в расход, с таким же новым номером. Только у пяти человек есть этот номер, и два из них сейчас спят в этой комнате.

Я не могу доверять никому за пределами этого исчезающе малого круга. Все, о чем я могу думать, это темный силуэт мужчины, который перемещается в ночи — шагом, не бегом, потому что я не верю, что Мэлвин Ройял будет бежать, несмотря на то что половина полиции в стране охотится на него. И еще я думаю о том, что он идет за мной. За нами.

Мой бывший муж — монстр, и я полагала, что он надежно упрятан в тюрьму в ожидании казни... но даже из-за решетки Мэлвин вел кампанию устрашения против меня и наших детей. О да, у него были помощники — как внутри тюрьмы, так и за ее пределами; еще не выяснено, насколько широка была эта сеть. Но, помимо это-

го, у него был план. При помощи точно нацеленных угроз и запугиваний он загонял нас туда, куда ему было нужно: в ловушку. Мы выжили в этой ловушке, но едва-едва.

Мэлвин Ройял преследует меня в короткие мгновения темноты, когда я закрываю глаза. *Миг* — и он на этой улице. *Миг* — и он поднимается по лестнице мотеля на открытую галерею второго этажа. *Миг* — и он уже за дверью. Прислушивается.

Жужжание, сообщающее о том, что на мой телефон пришло текстовое сообщение, заставляет меня вздрогнуть — с такой силой, что это причиняет боль. Я хватаю телефон. Комнатный обогреватель издает дребезжание; несмотря на громкость, работает он неплохо, и тепло плывет по комнате медленной приятной волной. Я признательна за это. Одеяла на этой раскладушке слишком тонкие.

Протираю глаза и сосредотачиваю взгляд на экране телефона. Там высвечиваются слова: **Номер не определен**. Я выключаю телефон и кладу под подушку, пытаюсь убедить себя, что уснуть сейчас будет безопасно.

Однако я знаю, что это не так. Я знаю, кто пишет мне. И мне кажется, что двойного замка на двери номера недостаточно для безопасности.

Двенадцать дней назад я спасла своих детей от убийцы. Я устала, ранена, меня мучают головные боли. Я испугана, измотана, встревожена и, самое главное — *самое главное*, — я зла. Мне нужно быть злой. Эта злость сможет сохранить нам жизнь.

«Как ты смеешь? — думаю я, обращаясь к телефону под подушкой. — Как ты смеешь, мразь?!»

Доведя свою ярость до температуры кипения, так что она почти причиняет мне боль, я сую руку под подушку и снова достаю телефон. Моя злость — мой щит. Моя

злость — мое оружие. Я, не дрогнув, вывожу сообщение на экран, готовая к тому, что в нем написано.

Но я ошибаюсь. Это сообщение не от моего бывшего мужа. В нем говорится:

ТЕПЕРЬ ВАМ НИГДЕ НЕ УКРЫТЬСЯ.

И после него идет знакомый мне символ:

А.

«Авессалом».

Потрясение разбивает мою злость на острые осколки, разбрасывая их горячими электрическими уколами по моим рукам и груди — как будто сам телефон бьет меня током. У моего мужа был помощник — помощник, манипулировавший нами, способствовавший похищению моих детей. И этим помощником был Авессалом... искусный хакер, который обманом привел меня в ловушку, подстроенную Мэлвином. Я осмеливалась надеяться, что, возможно, после краха этого плана Авессалом больше не будет угрозой для нас.

Это была слишком глупая надежда.

На мгновение я ощущаю прилив неприкрытого животного ужаса, будто все детские страхи перед привидениями внезапно сбылись, а потом делаю глубокий, медленный вдох и снова пытаюсь думать, прорываясь через невозможность справиться со всем этим. Я виновна лишь в том, что защищалась от человека, который хотел убить меня, который за несколько лет завоевал мое доверие и постепенно вел меня к месту, назначенному для моего убийства.

Но это не заставляет сообщение исчезнуть с экрана телефона.

Авессалом работает не один. Чертов хакер направил по нашему следу кого-то еще. Эта мысль пронзает ме-

ня точно удар молнии. Во рту пересыхает, по всем нервам одновременно проносится электрический импульс, потому что я понимаю — это действительно так. Что-то беспокоило меня все эти долгие дни, пока мы прятались и переезжали ради собственной безопасности... чувство, что за нами по-прежнему наблюдают. Я списывала это на паранойю.

Но что, если это вовсе не паранойя?

Я пытаюсь встать как можно тише, но раскладушка скрипит, и я слышу, как Ланни, моя дочь, шепчет:

— Мама?

— Всё в порядке, — шепчу я в ответ.

Встаю и сую ноги в ботинки. Я полностью одета — в удобные штаны, свободный свитер и толстые носки; поверх этого я надеваю наплечную кобуру и парку, потом отпираю дверь и выхожу на галерею.

В Ноксвилле пасмурно и холодно. Я не привыкла к яркому городскому освещению, но сейчас оно меня немного успокаивает. Я не ощущаю полной оторванности от всего мира. Вокруг люди. Если я закричу, меня услышат.

Звоню по одному из номеров, записанных в моем телефоне. Трубку снимают после первого же гудка, и я слышу вечно усталый голос детектива Престера из полицейского управления Нортон — городка, расположенного вблизи того места, где мы жили... нет, живем, потому что мы вернемся в Стиллхауз-Лейк, клянусь. Этот голос произносит:

— Мисс Проктор, время уже позднее.

Похоже, он совершенно не рад звонку от меня.

— Вы на сто процентов уверены, что Лэнсел Грэм мертв?

Это странный вопрос, и я слышу скрип — вероятно, это скрипит офисное кресло, на спинку которого откинулся Престер. Смотрю на свои часы. Второй час ночи. Я гадаю, почему Престер еще на работе. Нортон — ма-

ленький сонный городок, хотя и там полиции приходится иметь дело с некоторым количеством преступлений. Престер — один из двух детективов в составе управления.

А Лэнсел Грэм носил форму полицейского офицера и служил в Нортонском управлении.

Престер отзывается неспешно и настороженно:

— У вас есть некая веская причина думать, что это не так?

— Он. Действительно. Мертв?

— Мертвое не бывает. Я видел, как из его трупа на столе патологоанатома извлекали органы. Почему вы спрашиваете об этом... — Он ненадолго умолкает, потом издает стон, как будто тоже только что взглянул на часы. — В такое время суток?

— Потому что меня напугала очередная эсэмэска с угрозами.

— От Лэнсела Грэма?

— От Авессалома.

— А-а-а... — Он тянет это с таким выражением, что я немедленно настораживаюсь. Мы с детективом Престером не друзья. Мы, грубо говоря, союзники, да и то до некоторой степени. Он не совсем доверяет мне, и я не могу винить его в этом. — Кстати, об этом... Кеция Клермонт кое-что раскопала и говорит, что это, возможно, не совсем «он». Скорее «они», по всей видимости.

Я уважаю Кецию. Она была напарницей Лэнсела Грэма в патрулировании — по крайней мере, некоторое время, — но, в отличие от Грэма, Кеция кристально честна. Должно быть, для нее было невероятным потрясением узнать, что ее напарник был убийцей.

Однако не настолько сильным, как для меня.

Все это заставляет мой голос звучать напряженно и сердито:

— Какого черта вы не сказали мне это? Вы же знаете, что я уехала вместе с детьми!

— Не хотелось заставлять вас паниковать, — отвечает Престер. — Пока никаких доказательств, только подозрения.

— Неужели за то время, что вы знаете меня, детектив, вы обнаружили во мне склонность к слепой панике?

Он оставляет это без комментариев, поскольку знает, что я права.

— Я по-прежнему считаю, что вам лучше было бы вернуться в Нортон и позволить нам защищать вас.

— Мой муж превратил одного из ваших копов в убийцу. — Мне приходится проглотить комок тошнотворной ярости. — И вы оставили этого копа наедине с моими детьми, помните? Бог весть, что он мог бы сотворить с ними. Так с какой радости я должна считать, что с вами они будут в безопасности?

Я по-прежнему не знаю всего, что делал Лэнсел Грэм, когда похитил моих детей. Ни Коннор, ни Ланни ничего не сказали мне об этом, и я понимаю, что давить на них не следует. Они пережили травму, и хотя обследование в больнице показало, что мои дети в добром здравии и что физического вреда им нанесено не было, я до сих пор гадаю, какие раны нанесены их психике. И как эти раны скажутся на их будущем.

Потому что Мэлвин Ройял хочет сломать их, переделать по-своему, придать им задуманную им форму. Это те деяния, в которых он находит глубокое, неизбывное удовольствие.

— От Мэлвина что-нибудь слышно? — спрашиваю я.

«От Мэла», — поправляет слабый голос внутри меня, робкий и призрачный, но все еще различимый. Ему не нравилось, когда его называли Мэлвином, только Мэлом, вот почему теперь я неизменно называю его только полным именем. Пусть и крошечная власть — все равно власть.

— Повсюду проходят облавы, и семьдесят пять процентов тех, кто сбежал, уже снова сидят за решеткой.

— Но не он.

— Нет, — соглашается Престер. — Не он. Пока еще нет. Вы планируете продолжать убежать до тех пор, пока его не поймают?

— Это мы и планировали, — подтверждаю я. — Но план только что изменился. Если у Авессалома есть еще люди, которых он может послать за нами, то они нас найдут. Именно этого он и хочет. Вот почему дал о себе знать. Бегство лишь продлит этот кошмар, и это означает, что я не контролирую свою жизнь. Но я не отдам ему этот контроль. Никогда больше.

Снова раздается скрип офисного кресла. На сей раз я почти уверена, что Престер подался вперед.

— Тогда какого черта вы намерены делать, Гвен?

Он продолжает называть меня так, по моему новому имени, и я признательна за это. Женщина, которую звали Джина Ройял, жена особо тяжкого серийного убийцы, мертва — еще один труп, который оставил позади себя Мэлвин. И ей лучше оставаться мертвой. Теперь я — Гвен. А Гвен не согласна больше терпеть это дерьмо.

— Не думаю, что это вам понравится, поэтому не буду посвящать вас в подробности. Спасибо вам, детектив. За всё. — И я почти искренна в этом.

Прежде чем он успевает задать еще какие-нибудь вопросы, я обрываю звонок, кладу телефон в карман своей парки и пару минут стою на сыром, пробирающем до костей ветру. Ноксвилл никогда полностью не засыпает на ночь; я улавливаю обрывки мелодий из проезжающих по улицам машин, вижу тени людей, движущиеся за занавесками в других номерах мотеля. По другую сторону двора сквозь проем незадернутых штор мерцает телевизор. Над головой пролетает самолет, разрывая небо гулом.

Я слышу, как дверь в комнату открывается и на галерею выходит Ланни. Она надела ботинки и куртку, но под ними все еще виднеется пижама. Это слегка ослабля-

ет мою тревогу. Если б она переделалась в джинсы и свободную фланелевую рубашку и обулась в кроссовки, это было бы знаком того, что она боится.

— Сопляк все еще дрыхнет, — извещает Ланни, наваливаясь на перила рядом со мной. — Скажи мне.

— Ничего такого не было, детка.

— Не вешай мне лапшу на уши, мама. Ради «ничего» ты не станешь вылезать из постели и выходить за дверь, чтобы кому-то позвонить.

Я вздыхаю. На галерее достаточно холодно, чтобы мое дыхание породило слабую струйку белого пара.

— Я беседовала с детективом Престером.

Вижу, как сжимаются ее пальцы, лежащие на перилах, и жалею, что не могу забрать у нее этот страх, это постоянное и всеокрушающее ощущение давления. Но — не могу. Ланни не хуже всех остальных знает, насколько опасна сейчас ситуация. Она знает почти все о своем отце. И мне приходится полагаться на то, что в свои хрупкие почти пятнадцать лет она выдержит этот вес.

— А-а, — произносит моя дочь. — Это насчет него?

«Него» — ее отца, конечно же. Я отвечаю ей слабой улыбкой, надеясь хоть немного подбодрить.

— Пока никаких новостей. Вероятно, он уже далеко отсюда. На него охотятся. Большинство тех заключенных, вместе с которыми он бежал, уже схвачены. Скоро он снова окажется за решеткой.

— Ты в это не веришь.

Не верю. Я не хочу лгать дочери, поэтому просто меняю тему.

— Тебе нужно снова лечь спать, солнышко. Мы выезжаем рано утром.

— Уже почти утро. Куда мы едем?

— Куда-нибудь в другое место.

— И так теперь будет всегда? — В ее голосе звучит тихая ярость. — Боже мой, мама, ты только и делаешь, что

убегашь. Мы не можем позволить ему так поступать с нами. Только не снова. Я не хочу убегать. Я хочу сражаться.

Хочет. Конечно же хочет. Ланни — отважная девочка, которая в возрасте всего лишь десяти лет была вынуждена узнать отвратительную правду о своем отце. Неудивительно, что она все еще злится.

И она права.

Я поворачиваюсь к ней, и дочь изгибает шею, чтобы посмотреть мне в лицо. Не отводя взгляда, говорю:

— Мы будем сражаться. Но завтра вы отправитесь в безопасное место, чтобы я могла свободно делать то, что должна сделать. И прежде, чем ты начнешь со мной спорить: мне нужно, чтобы ты осталась со своим братом и убедилась, что он под надежной защитой. Это твоя работа, Ланни. Это твое сражение. Хорошо?

— Хорошо? Теперь ты хочешь скинуть нас на кого-то другого? Нет, я так не согласна! Пожалуйста, пусть это хотя бы будет не бабушка!

— Я думала, ты любишь свою бабушку..

— Я и люблю. Как бабушку. Ты хочешь, чтобы мы были в безопасности? Она не сможет защитить нас. Она никого не сможет защитить.

— Я собираюсь сделать так, чтобы ей и не пришлось никого защищать. Пока что ваш отец будет искать меня — это его первый приоритет.

Молюсь, чтобы это было правдой. Это огромный риск, но я могу доверить присмотр за моими детьми лишь узкому кругу людей. Моим первым порывом было отвезти их к моей матери, но, должна признать, моя дочь права. Их бабушка — не боец. Она не такая, как мы. Опасность, которая грозила им прежде, не идет ни в какое сравнение с нынешней.

Я еще не сказала этого Ланни, потому что мне нужно все как следует обдумать, но Хавьер Эспарца и Кеция Клермонт предложили в случае необходимости взять на

себя охрану моих детей. Эти двое — надежные люди. Хавьер — морпех в отставке и руководит стрелковым тиром; Кеция — офицер полиции, умная, способная и отважная.

Проблема в том, что они живут в пригороде Нортон, относительно недалеко от Стиллхауз-Лейк. Этот красивый заповедный уголок когда-то казался мне надежным убежищем, но потом он превратился в ловушку, и теперь я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова чувствовать себя в безопасности там. И уж точно мы не можем вернуться в наш дом у озера: там мы будем слишком легкими целями.

Однако дом Хавьера находится далеко от озера. Это уединенная и хорошо охраняемая хижина, и я интуитивно верю, что Мэлвин и Авессалом будут искать нас где угодно, только не там, откуда мы недавно сбежали.

— Ты оставляешь нас с Сэмом? — спрашивает Ланни.

— Нет, потому что Сэм едет со мной, — отвечаю я ей. Я еще не спросила его об этом, но знаю, что он поедет: он хочет отыскать Мэлвина Ройяла так же отчаянно, как и я, и тоже по личным причинам. — Мы с Сэмом собираемся найти твоего отца и остановить его прежде, чем тот причинит вред кому-нибудь еще. Прежде чем хотя бы подумает о том, чтобы обидеть тебя и твоего брата. — Я даю ей время обдумать это, потом продолжаю: — Мне нужна твоя помощь, Ланни. Это лучший выбор, какой у нас есть, если мы больше не хотим снова убежать и прятаться. Мне это нравится не больше, чем тебе. Поверь, пожалуйста.

Она отводит взгляд и с деланным равнодушием пожимает плечами.

— Конечно. Как угодно. Но ты по-прежнему заставляешь *нас* делать это.

Прежде бегство было для нас необходимостью. В то время это было правильно. Но я понимаю, как неверо-

ятно тяжело двум моим детям жить в постоянной насто-
роженности.

— Мне ужасно жаль, солнышко.

— Знаю, — произносит Ланни наконец и с этими сло-
вами неожиданно обнимает меня — всего на одно мгно-
вение, — а потом возвращается обратно в номер.

Я некоторое время продолжаю стоять на холоде, раз-
мышляя, потом набираю телефонный номер Сэма Кей-
да и говорю:

— Я снаружи.

Примерно через минуту он уже выходит на узкую га-
лерею второго этажа: его номер расположен рядом с на-
шим. Как и я, Сэм полностью одет. Готов к сражению. Он
опирается на перила на том же самом месте, где стояла
Ланни, и говорит:

— Полагаю, это не было приглашением на свидание.

— Очень смешно, — отзываюсь я, бросая на него
взгляд искоса. Мы не любовники. Хотя можно сказать,
что в каком-то смысле мы близки друг другу. Думаю, что
в конечном итоге мы можем прийти окольными путями
и к телесной близости, но никто из нас, похоже, не то-
ропится с этим. Слишком много всего на нас давит. Я —
бывшая жена серийного убийцы, надо мной постоянно
висит угроза со стороны ненавистников Мэлвина, его
союзников и просто бездельной своры интернет-пре-
следователей.

А Сэм... Сэм — брат одной из жертв моего бывшего
мужа. Последней жертвы Мэлвина. Я все еще явственно
вижу перед собой тело этой несчастной девушки, вися-
щее в проволочной петле. Замученной и убитой из чи-
сто садистского удовольствия.

Между нами все сложно. Изначально, познакомив-
шись с Сэмом, я считала его просто дружески настро-
енным посторонним человеком, не имеющим никако-
го отношения к моей прежней жизни. Но когда обнару-